

Вечер тянет бабу Надю
Сесть за пяльцы в уголке,
Вышивает баба гладью
Клевер на льняном платке.

Вспоминает: в сорок пятом,
За извиистой рекой
Собирали с младшим братом
Клевер красный луговой.

Слаще он всего на свете!
Огоньком горит в руках!
И свистит-гуляет ветер
В детских, впалых животах...

Развалился — эх, предатель! —
Туюсок с прогнившим дном.
И догнал их председатель,
По лопаткам бил кнутом...

Тот трилистник незабвенный —
Цветом крови на платке.
Снится бабе: немец пленный
Клевер варит в котелке.

Мир кажется бессмысленной работой,
А не работой радостной творца:
Вот с елочных игрушек позолота,
Летит как с крыльев бабочек пыльца.

Как мне с зимою этой примириться?
Я вижу, только сон коснется век,
Как ворон над заснеженной страницей
Кружит и на лету глотает снег.
И клюв его распахнутый так жаден,
Он как воронка тянет белый свет.
Ты просишь: «Возвращайся, бога ради...»,
А сам ведь говорил, что бога — нет.

* * *

Вытряхиваю все из кошелька,
Смотри, старик, и я могу быть доброй,
Хотя тащусь по свету, словно с торбой,
С душой пустою, как твоя рука.

Аккордеон закашлялся и смолк,
Ему минута только — отдышаться,
Скужились рубли в дрожащих пальцах,
Монетка закатилась под сапог...

Поверишь ли, в тебе я узнаю
Далекого родного человека,
Которого не видела полвека —
Лица почти не помню, но люблю!

Да, музыка — внутри, а не вовне,
И глухота к ней — тяжкое увечье,
Но мне ее услышать было легче
Когда ты руку протянул ко мне.

* * *

Мое сердце водил обезьянкой по парку,
Оно прыгало и развлекало народ.
Все скрипела твоя расписная шарманка,
И никак у нее не кончался завод.

У фонтана, в цветы, опыленные светом,
Вдруг упал заморенный тобою зверек,
И напрасно нам в шляпу бросали монеты,
И напрасно ты дергал тугой поводок.

А на озере тихо гудела моторка,
Как прощальная песня для сердец и зверей,
И какая-то девочка плакала горько,
Потому что ей жалко монетки своей.

Среди оживших к лету нарядных дач
 Магнитофон взрывался вчерашней песней,
 Потертый и отсыревший за зиму мяч
 Из детских рук взлетал прямо в поднебесье.
 Считали дружно, шепотом: раз, два, три,
 А дальше — взмах рукою и заклинанье —
 Один из нас приказывал всем: замри,
 И мы, застыв, стояли, как изваянья.
 То сон далекий, трепетный... Наяву
 Забыта дача, мяч укатился в бездну,
 Но это ликование — я живу!
 Острее от знания, что наконец исчезну.
 Зачем в чужом мне городе до поры
 Я просыпаюсь, как от внезапной боли,
 Когда мне снова снится конец игры,
 И я — все в той же странной, нелепой роли?
 Квадрат окна бликует — там фонари
 Нарочно вяжут в узел обрывки света...
 И слышу я отчетливо: отомри,
 И мне осталось вспомнить, как сделать это.

* * *

Белобрысый парень Кольча
 В знак того, что мы друзья,
 Смастерил мне колокольчик —
 Славный, да звонить нельзя!

Звук бежит — да спотыкнется,
 Захлебнется на бегу,
 Ловит зыбкий лучик солнца
 Дыркой в глиняном боку.

Несуразный как хозяин,
 Только память дорога!
 Словно бы из света сваян,
 А возьмешь — дрожит рука.

Вдруг увидишь берег отчий,
 Травы трогают плечо.
 Кто услышит звон тот, Кольча,
 Тот вернуться обречен.

* * *

Друг мой, потеря вчерашняя,
 Был или не был, ответь!
 Эта ли жизнь — настоящая?
 Это ли, милый, не смерть?

Спросишь: о чем же я сетую?
Скажешь: назад не гляди...
Детскую песенку светлую
Мы утопили в груди.
В сердце холодном, как в проруби...
Но позабыть не смогу,
Как хоронили мы голубя
В чистом январском снегу.

* * *

Уродился Гриня дураком.
Кирзачи надел на босы ноги,
Ходит по деревне с батогом,
Словно странник по большой дороге.

То поет, кривляется, как шут,
То заплачет, в рукава сморкаясь,
Пожалеют мужики, нальют,
Из бутылки, если что осталось...

Порвана рубаха на плече,
И соседи выгнали за двери.
Кто ему, бедняге, и зачем
Этот путь бессмысленный отмерил?

Муча сухарем беззубый рот,
Он пойдет походкой воробьиной...
Вновь детей безжалостный народ
Забросает окна его глиной.

Жалобно наморщено лицо,
Волосы нечесанные в сене...
Он вздохнет и сядет на крыльцо,
И гармонь поставит на колени...

Его пальцы, словно мотыльки,
Запорхают. Музыка живая
Разольется с силою реки,
Ни конца не ведая, ни края.

Потечет по полю, через лес
Горькое и светлое посланье...
На худой груди нательный крест
Задрожит от частого дыханья.

Он в минуту эту не один,
Будто кто с небес его приметил...
Эх ты Гриня, Гриня, Божий сын,
И тебе есть музыка на свете.

* * *

Известно испокон веков:
Не отмечают сорок.
Законов нет для дураков,
И ты, как гость, мне дорог.
Но ты не траться на букет
И всякие помады,
И этих приторных конфет
Мне, видит бог, не надо!
А подари мне, твою мать,
Припудрен и надушен,
Свой дивный дар спокойно спать,
Когда весь мир разрушен.

* * *

За тщету прошлой жизни отныне дано
За сплетеньем чернеющих веток — окно...
В нем живой, ровный свет, различимый едва,
Так пронзительно прост, как молитвы слова.

Мнится мне: все, что будет и было давно —
Сон и морок, а подлинно — только окно,
Где проросший сквозь тьму, свет явил благодать...
Не оспорить его никому, не отнять.